

А.А.Галкин
ВЛАСТЬ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ДОСУГЕ

Ключевые слова: позитивный политический капитал, негативный политический капитал, власть, общественное сознание

В античные времена древнегреческие философы в ходе длительных размышлений и дискуссий предложили своим современникам и потомкам матрицу возможных типов организации политической власти. Они исходили из наличия у нее трех идеальных и, соответственно, трех извращенных (уродливых) воплощений: монархия (автократия), в искаженном виде приобретающая форму тирании, аристократия (искаженный вариант — олигархия) и демократия (продукт вырождения — охлократия). Матрица оказалась удачной и сохранялась в своих основных чертах на протяжении многих веков, дожив до сегодняшнего дня, что, как известно, случается редко.

Разумеется, время оставило на этой матрице заметные «зарубки». Уже вскоре после ее появления стало очевидным, что чистые формы политического устройства хотя и возможны, но встречаются не так уж и часто. То и дело складывались и процветали гибридные системы, в которых сливались воедино логически вроде бы трудно совместимые варианты. Монархия нередко сочеталась с аристократией и олигархией и даже вполне уживалась (и уживается) с демократией. В свою очередь, олигархия при определенных обстоятельствах использовала в своих интересах не только монархические, но и демократические институты. Различными выглядели и демократические формы политической системы — в зависимости от уровня развития соответствующих обществ, а то и инкорпорации элементов автократизма.

Но наиболее весомые коррективы в матрицу, предложенную античными мыслителями, внесло иное явление, некогда не очень важное, но приобретающее со временем не просто существенное, но во многом доминирующее значение, — тип отношений основной массы граждан к власти и ее политическим институтам. Характер этих отношений стал все сильнее накладывать отпечаток на ход политического процесса и его итоги. И определялся он уже не только формой институтов власти, но и рядом других обстоятельств. Без их осмысления и учета анализ политической ситуации, а тем более ее прогноз, практически невозможен.

Исследования, проведенные в этой сфере, уже дали заметные результаты. Но многое еще предстоит сделать.

**Структура
и динамика
политического
капитала**

Для начала кратко воспроизведу то, что не вызывает ныне сомнений.

Реальная политика складывается в ходе политического процесса, в основе которого лежат отношения между властными структурами и обществом, а значит — и индивидами. Эти отношения не только образуют мост между субъектами и объектами политического процесса, но и в значительной мере модифицируют их.

Взаимодействие властных структур, общества и индивидов реализуется в виде импульсов, которые, в свою очередь, делятся на нисходящие (от власти) и восходящие (к власти), институционализированные (поступающие по формализованным каналам) и неформальные, прямые и опосредованные (через институты гражданского общества). При этом существует минимальный уровень взаимодействия, ниже которого взаимосвязь между властными структурами, обществом и индивидами распадается, что влечет за собой разрушение общественной системы.

Характер взаимодействия индивидов, общества и властных структур зависит от исторически сложившейся социально-культурной среды. Это означает, что политический процесс не однотипен. Следовательно, игнорировать специфику взаимоотношений между индивидами, обществом и властью в социумах, принадлежащих к разным цивилизациям и находящихся на разных ступенях развития, заведомо недопустимо. Но столь же ненаучно рассматривать данные взаимоотношения как инвариант. Несмотря на высокую инерционность, в них постоянно накапливаются изменения, которые с течением времени вносят в сформировавшуюся систему серьезные коррективы. Одним из важнейших продуктов таких взаимоотношений и является наличие в политическом процессе того, что стали в последние годы именовать *политическим капиталом*.

Констатируя это, я покидаю сферу общепризнанного и перехожу в область, требующую дополнительных размышлений и оценок.

Понятие «политический капитал» утвердилось пока не повсеместно. В тех случаях, когда к нему прибегают, под ним подразумевают такое состояние массового сознания, при котором институтам политической власти и руководящим ими лицам делегируется существенная сумма компетенций. Тем самым общество признает их право принимать общеобязательные решения, а также осуществлять различные, в том числе принудительные, действия, необходимые для реализации этих решений, и, соответственно, декларирует свою готовность им подчиняться. На этой основе складываются такие предпосылки политического процесса, как легитимность политической системы (режима), законопослушность населения и многое другое.

Очевидно, что сказанное выше порождает множество вопросов, требующих аргументированных ответов. И далеко не все они так очевидны, как может иногда показаться.

Начну с объективных истоков политического капитала. Не вызывает сомнений, что в их основе лежит реальный интерес личности,

группы и общества в целом. Однако феномен, описываемый понятием «интерес», сам по себе тоже крайне сложен. В нем — вне зависимости от уровня, на котором он возникает, — имеется реальное содержание, обусловленное объективными потребностями. На ранних этапах становления человеческого сообщества наличие таких потребностей представляло собой силу, способную объединить сложившиеся группы индивидов в борьбе за выживание и отражение внешней угрозы. Затем, по мере развития общественных организмов, дифференциации и усложнения их внутренней структуры, значимость оформившихся институтов власти существенно возросла. Они приобрели функции законодателя, гаранта внутреннего правопорядка, регулятора разнообразных социальных и хозяйственных процессов. В нынешних условиях сфера их деятельности в ряде случаев вышла далеко за пределы границ национального государства. Параллельно этому росла и степень прямой зависимости индивидов от поведения институтов власти.

Но формирование интереса предполагает не только присутствие порождающих его объективных обстоятельств, но и их понимание и трактовку. А они, в свою очередь, определяются совокупностью субъективных факторов: спецификой цивилизационных характеристик соответствующих обществ, а следовательно, первичной и вторичной социализации индивида и группы, к которой он принадлежит; особенностями усвоенных ими идеологических предпочтений; конкретным историческим опытом, как коллективным, так и индивидуальным; своеобразием личностных психологических структур и т.д. В итоге понимание и трактовка интереса могут заметно разойтись с действительным смыслом последнего и даже превратиться в его противоположность.

Крайне важно правильно определить соотношение устойчивости и подвижности политического капитала. И дело тут не только в накоплении теоретического знания. Не меньшее значение имеют и соображения практического порядка. Многие политические элиты, придя к власти благодаря наличию политического капитала, склонны, особенно если он весомый, считать его абсолютным и даже вечным. Отсюда отсутствие должной заботы о его сохранности и росте.

Между тем политический капитал хотя и обладает известной, а временами и высокой устойчивостью, подвижен. Степень этой подвижности зависит от множества причин и в каких-то ситуациях может быть очень значительной. Результаты невнимания к данному обстоятельству однозначны: размывание политического влияния, потеря властных позиций, а иногда и крах режима.

В ряде случаев устойчивость политического капитала определяется типом системы власти, его соответствием (или несоответствием) уровню развития общественного организма. Но не только. История знает немало примеров того, как такое соответствие не просто не вело к наращиванию и устойчивости политического капитала, но и размывало его. И наоборот: нетрудно вспомнить ситуации, при которых несоответствие типа политического устройства уровню общественного

развития не наносило урона политическому капиталу существующей власти и даже способствовало его упрочению — пусть не всегда надолго. Отсюда настоятельная потребность в точном установлении действительных причин динамики политического капитала, ее интенсивности и направленности.

Остановлюсь прежде всего на тех, которые в наибольшей мере могут быть отнесены к числу объективных.

Степень устойчивости политического капитала во многом зависит от времени и условий его возникновения. С этой точки зрения его можно условно подразделить на три вида. Самым устойчивым является традиционный политический капитал, уходящий корнями в складывавшиеся столетиями устои и подпитываемый давними мировоззренческо-конфессиональными установками.

Высокая, хотя и меньшая устойчивость присуща политическому капиталу, оформившемуся в эпоху становления и подъема режимов, возникших на ранней стадии капиталистических отношений, когда активное участие в политическом процессе было привилегией главным образом имущих сословий.

Особыми свойствами обладает политический капитал третьего вида, сложившийся в Новейшее время, — так называемый заемный, в основе которого лежит кредит доверия, предоставленный обществом власти или ее оппонентам. Заемный политический капитал может быть рациональным, базирующимся на взвешенной оценке возможностей той или иной политической силы, или эмоциональным, отражающим лишь неприятие существующих порядков и безудержное стремление к переменам. Однако в обоих случаях это не более чем *аванс*, который нуждается в закреплении. Естественно, что он наименее устойчив.

Одна из особенностей нынешней ситуации состоит в том, что в общественном сознании сейчас представлены, в различных сочетаниях, все три вида политического капитала. Понятно, что это предполагает неоднозначную реакцию данного сознания на внешние импульсы. Его традиционная составляющая не только отвергает манипулятивные импульсы субъективного порядка, но и с трудом реагирует на реальные перемены в общественном организме. Для самого незначительного изменения ее позиций требуется по меньшей мере совокупность катастрофических потрясений. Вторая составляющая по преимуществу рациональна и прагматична. Она позитивно отзывается главным образом на заведомо выгодные ей сдвиги. Наконец, третья составляющая чаще всего «пуглива», крайне нервно реагирует на раздражители негативно-го плана и склонна без особых раздумий менять плюс на минус в своих взглядах и поведении.

При оценке политического капитала необходимо в полной мере учитывать и то, что он обычно представляет собой своего рода среднее от политических установок и предпочтений некоей совокупности социальных групп, а также сложившихся идеологических и политических представлений. В каждом из его структурных элементов нетрудно

обнаружить — несмотря на общий политический выбор — свою специфическую трактовку, нюансирующую отношение к власти, к ее институтам и лидерам, к их действиям и решениям. Сведенные вместе в политическом капитале, нуждающемся в определенном уровне сплоченности, эти различия далеко не всегда нейтрализуют друг друга, но, напротив, нередко ослабляют его. Более того, в ряде случаев такое сведение попросту невозможно. В результате возникает расколотое общество, не реагирующее на нормальное управление, и преодоление возникшего коллапса происходит в пространстве между компромиссом и силовыми приемами.

Не меньшее значение имеет членение политического капитала по степени интенсивности. Отношение общества к власти не может быть объективно описано в рамках одной лишь двоичной системы. Между безоговорочной поддержкой («да») и решительным неприятием («нет») располагается внушительное смысловое пространство промежуточных подходов.

При выявлении общественных предпочтений посредством опросов данное обстоятельство обычно в какой-то мере учитывается, и респондентам, как правило, предлагается оценить свою поддержку (или не поддержку) существующей власти «в целом» или «в основном». Это, разумеется, гораздо лучше, чем выбор между «да» и «нет». Но необходимого представления об интенсивности политического капитала и ее структуре такое уточнение тоже не дает.

Действительно объективное представление о ней можно получить, лишь обратившись к более детализированной (а следовательно, и точной) шкале, примерные контуры которой отражены на *рис. 1*.

Рисунок 1 Примерная структура интенсивности политического капитала усредненного современного государства

<i>Позитивный (для существующей власти) политический капитал</i>	<i>Негативный (для существующей власти) политический капитал</i>
1. Высокая, эмоционально окрашенная поддержка	1. Равнодушное отчуждение
2. Рационально обусловленное позитивное отношение	2. Негативное отчуждение
3. Умеренно холодная поддержка	3. Умеренная враждебность
4. Терпимое отношение (при явном отсутствии альтернативы)	4. Высокая враждебность
5. Восприятие с позиций «меньшего зла»	5. Непримируемость

Разумеется, эмпирическое наполнение данной схемы существенно сложнее того, что требуется при двоичной системе или чего-то близкого к ней. Однако картина, которая могла бы быть получена в результате такого наполнения, была бы гораздо ближе к действительной.

Особого осмысления заслуживает влияние динамики политического капитала на поведение населения. Это поведение в высокой степени опосредовано, поэтому судить по нему о политическом капитале нужно весьма осторожно.

С некоторой долей уверенности можно говорить о связи между объемом и типом политического капитала и восприимчивостью общества и индивидов к импульсам, поступающим сверху. При наличии значительного объема позитивного политического капитала существенная часть (а то и большинство) общественных объединений и групп, а также индивидов реагирует на подобные импульсы так (или примерно так), как рассчитывают властные структуры. Невосприимчивое к этим импульсам меньшинство принуждается следовать им силой.

При доминировании негативного политического капитала восприимчивость падает. Большинство индивидов реагируют на идущие сверху импульсы неадекватно ожиданиям власти. Они либо преобразуют их таким образом, что те утрачивают изначальное содержание, либо игнорируют, нередко рассматривая как стимул к протесту.

Менее очевидна связь между негативным политическим капиталом и общим поведением индивидов. Сама по себе ситуация, складывающаяся в этих условиях, не рождает массовой политической активности. Первоначально, по мере накопления такого капитала, происходит индивидуальное отчуждение от политики. Затем начинает нарастать социальное раздражение, которому сопутствуют уныние, предчувствие близящейся катастрофы. Отсюда тенденция к уходу от реальности: масовое пьянство, наркомания и т.д.

При этом нередко происходит замещение объекта недовольства. Социальное раздражение сублимируется в повышенную агрессивность, направленную не столько на властные структуры, сколько на искусственно сконструированный «образ врага». Лишь на следующем этапе наступает полное отчуждение от власти, при котором большинство граждан со злорадством следит за ее просчетами и провалами.

Чтобы эта эскалация общественного недовольства вылилась в более или менее осознанные проявления общественного протеста, сопровождающегося активными действиями, требуется не только высокий уровень общей социальной напряженности, но и глубокая личностная идентификация значительного числа людей со своими социальными общностями.

**Обращение
с политическим
капиталом**

Если воспринимать понятие «политический капитал» всерьез, то следует отдавать себе отчет и в том, что ему присущи те же (или почти те же) черты, что и другим видам капитала — денежному, социальному,

интеллектуальному. Это, в свою очередь, предполагает признание не только его подвижности, о которой уже шла речь выше, но и реальной ценности, высокой реактивности, гибкости и способности перевоплощаться в иные формы. Его можно приобретать, копить, наращивать, занимать, похищать и растрчивать. Отсюда и способы обращения с политическим капиталом, возникшие еще в древности и приобретенные со временем признаки своеобразной методологической системы.

Известно, что властные структуры издавна использовали возможность влиять на общество с помощью правовых установлений, административно-управленческих актов и идеологических воздействий. Одним из первых шагов, направленных на достижение этой цели, было выделение неимущим, социально ущемленным слоям населения некоторой части материального продукта, принадлежащего властвующим верхам или государству.

Так поступали еще фараоны древнего Египта. То же самое делали правители античных греческих городов и Рима. Именно в Риме впервые оформилась совокупность целенаправленных действий, задачей которых было завоевание симпатий основной массы рядовых граждан как решающей гарантии внутренней стабильности и победоносных военных кампаний. Отражением такого подхода стал знаменитый лозунг «Хлеба и зрелищ», в афористичной форме передававший суть политики римской знати по отношению к народу. Впрочем, в острых ситуациях к этому дело не сводилось. Когда требовала обстановка и «вода подступала к горлу», знати приходилось идти и на большие уступки плебсу — делиться с ним, скрепя сердце, земельными участками, военными трофеями, а иногда... и политической властью.

Аналогичный подход применялся и в Средние века, и в Новое и Новейшее время. Менялись лишь масштабы и наборы материальных и политических «презентов». Сейчас этот метод именуют социальным маневром. Именно он и утвердился в качестве важнейшей формы накопления и удержания политического капитала в наиболее развитых странах. Вот уже более века на ней зиждется их относительная социальная стабильность. Были, конечно, и неоднократные попытки отказаться от подобного маневрирования, «сэкономить» на социальных расходах. Но они неизменно оборачивались тяжелыми материальными и политическими потерями и для стран, вовлеченных в такого рода игры, и для политических сил, стоявших у их истоков.

Разумеется, обращение власти и причастных к ней элит к социальному маневру не гарантировало полной солидарности граждан с поступающими сверху импульсами. Во-первых, потребности постоянно росли. Соответственно, появлялись новые интересы, которые, в свою очередь, вступали в противоречие с интересами правящих верхов и закономерностями функционирования сложившейся общественной системы. Во-вторых, новые интересы не всегда носили материальный характер. В таких случаях социальный маневр не давал ожидаемых результатов. В-третьих, для каждой системы существуют объективные

пределы масштабов перераспределения общественного продукта. Если рост этого продукта замедляется (или, тем более, сменяется падением), сокращается и объем его части, подлежащей перераспределению. В ряде стран это уже происходит. Все это делало (и делает) необходимым сочетание социального маневра с другими формами воздействия на общество и индивидов.

Одной из таких форм является политический маневр. Социальное маневрирование обычно осуществляется с помощью политических средств — через деятельность органов власти, управленческого аппарата, политических партий и т.д. В этом смысле оно тоже может считаться политическим. Однако политический маневр значительно шире социального. Он предполагает широкий спектр мер, призванных обеспечить преобразование разнообразных интересов (в том числе противоречащих потребностям существующей системы) в политические ориентации, способствующие (или, по меньшей мере, не препятствующие) ее функционированию и упрочению.

Среди наиболее распространенных форм политического маневра прежде всего следует упомянуть выявление и использование возможностей компромисса между влиятельными общественными силами. Оптимальный итог такого компромисса — устойчивый консенсус, не исключающий столкновений между сторонами, но удерживающий их в приемлемых пределах. В результате такого маневра нередко удается достичь пусть преходящего, но реального сплочения необходимого политического капитала.

Активно используется в этом контексте и смена политических декораций. Для этого параллельно с политической организацией, пребывающей у власти, создается еще одна, не скомпрометировавшая себя структура. До поры до времени ее держат в резерве. Если первая структура теряет политический капитал, ей на смену выпускают дублера. Тем самым во имя стабилизации системы проводится политическая рокировка.

Вариант этого подхода — смена ключевых фигур, действующих на политической арене. Их «амортизация», как показывает практика, неизбежна. Она диктуется многими причинами: размыванием исходного мифологического нимба, грузом ошибок и непопулярных решений, злоупотреблениями ближайшего окружения и рядом других обстоятельств. Поэтому команде ведущих политических игроков готовят на смену новую «колоду» из более молодых, красноречивых, способных понравиться публике претендентов на узловые посты в государстве.

В качестве успешного зарекомендовал себя и такой способ сплочения и наращивания политического капитала, как создание и внедрение в сознание общества ощущения нависшей угрозы и, соответственно, образа смертельного врага, от которого она исходит. Результативность этого хода во многом определяется тем, что усредненное массовое политическое сознание с большим трудом уясняет сложность взаимосвязей, обуславливающих то или иное развитие, тот или иной общественный

эффект. Поэтому оно склонно принимать на веру упрощенные объяснения событий и существующих между ними причинных связей.

На этой слабости массового сознания зиждется действенность и так называемой «теории заговора». Очередное негативное явление, бьющее по интересам граждан, подносится как следствие враждебных происков «темных сил» — внутри страны или вне нее. Из этого, естественно, вытекает, что единственное приемлемое решение возникшей проблемы — распознавание этих сил и их ликвидация. Все это делает возможной дезориентацию недовольной части общества, переключение ее энергии на цели, не создающие опасности системе.

Потере власти и правящей элитой прежнего политического капитала и тем самым дестабилизации общественной системы способствует формирование контрэлиты, которая играет роль бродила общественно-недовольства и авангарда антисистемных движений. Наиболее интенсивно такая контрэлита образуется в ситуации, когда социально обусловленная однобокая селекция кадров приводит к отсеку нестандартных, талантливых и честолюбивых людей. Не попав в состав элитарных слоев общества, они концентрируются на противоположном политическом полюсе, развертывая там антисистемную активность и накапливая заметный политический капитал.

Одна из фундаментальных задач, стоящих перед властью и причастными к ней политическими силами, обычно заключается в том, чтобы предотвратить образование контрэлиты. Если же та все-таки сложилась, то возникает необходимость нейтрализовать ее, скомпрометировав или интегрировав в структуры режима. Интеграция осуществляется либо путем индивидуального (как формального, так и неформального) включения в состав элиты, либо через приобщение к власти деятелей, организаций и движений, составляющих стержень контрэлиты. Практика показывает, что при такого рода приобщении политический капитал контрэлиты следует за своими кумирами или сходит на нет.

Мощным инструментом воздействия на политический капитал стали со временем средства массовой информации, а в последние годы — и интернет. Содержанию и методам такого воздействия посвящена обширная литература. Сложилось даже научное направление, занимающееся изучением многочисленных сторон этой проблемы.

Ее подробное рассмотрение требует особого разговора. Здесь же достаточно остановиться на двух аспектах.

Использование средств массовой информации в ходе избирательных кампаний и при возникновении кризисных ситуаций неоднократно демонстрировало их высокую эффективность с точки зрения укрепления в обществе ориентации на сохранение существующей общественной системы и ослабления негативного отношения к ней основной части граждан, иными словами, наращивания позитивного политического капитала власти. Особо стоит отметить постоянно возрастающую роль в этом процессе интернета как предельно эффективного канала

активности горизонтальных политических сетей, способных мобилизовать дополнительный политический капитал. В ряде случаев данные механизмы открывали дорогу к власти и оппозиционным силам.

В связи с этим в политически ангажированных кругах утвердилось представление, будто с помощью современных средств информации и коммуникации можно решающим образом воздействовать на процесс социализации, формирование систем ценностей, установок и политических ориентаций, а также на поведение отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом.

В действительности же, как свидетельствуют проведенные исследования, эффективность средств массовых коммуникаций, в том числе столь превозносимого сегодня интернета, имеет свои границы. Их образуют труднопреодолимые социопсихологические барьеры, которыми ограждено как индивидуальное, так и массовое сознание, а также все большая разветвленность и плюралистичность потоков информации. Значение последнего обстоятельства неуклонно возрастает по мере интернационализации и глобализации информационного потока, которые делают практически невозможной какую-либо, даже ограниченную, монополию на информационное обслуживание общества.

Разумеется, возможность создания идеологических мифов полностью не исчезает. Но, по сути, уже нет таких сил, которые были бы столь мощны, чтобы обеспечить их продолжительное сохранение в результате герметической изоляции от внешних воздействий.

Этот тезис приходится повторять снова и снова, ибо вера во всемогущество политических манипуляций все еще остается неотъемлемым элементом и массового, и элитарного сознания.

Важно иметь в виду и другую сторону дела.

Неспособность правящей элиты заручиться необходимым политическим капиталом, удержать его и тем самым подтвердить свою легитимность порождает у нее соблазн обратиться к жестким вариантам осуществления властных функций. Однако вопреки иллюзиям, нередко таящимся в глубинах общественного сознания и мгновенно всплывающим на поверхность в кризисных ситуациях, силовые методы управления чаще всего ведут не к решению назревших проблем, а к катастрофе.

Российская модель

Как выглядит сказанное выше применительно к российской ситуации? Рассмотрим для начала традиционную составляющую утвердившегося у нас массового сознания.

Основной пласт традиционных общественных предпочтений и ожиданий складывался в России, как и в других странах, под воздействием пройденного ею исторического пути — сложного и противоречивого. Развитие этого пласта первоначально осуществлялось на стыке цивилизационных влияний: духовного наследия Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, а затем и Западной Римской империи, преимущественно в ее

германизованном варианте, и так называемого «поля» — культуры кочевых народов, с которыми русские княжества веками жили бок о бок. И не только воевали, но и поддерживали добрососедские отношения, нередко скрепленные родственными связями. Свой отпечаток на формирование российской цивилизации наложило также более чем двухсотлетнее пребывание значительной части русских земель под властью Золотой Орды.

Цивилизационная специфика общественного сознания была при этом обогащена сложностью исходной этнической базы, на которой выросла как сама русская нация, так и другие народы, исконно проживающие на территории нынешней России. Эта база обеспечила превращение в неотъемлемые составляющие национального характера таких черт, как добрососедство, терпимость, способность к духовному взаимообогащению.

Немалую роль в становлении этого сознания сыграли суровые климатические условия и масштабы пространства, на котором расселились племена, образовавшие впоследствии русскую нацию. Северный климат, характерный для большинства земель, ставших постоянным местом их обитания, придавал особое значение групповому поведению, служившему важным условием выживания. Отсюда особая устойчивость общинных (коллективистских) отношений и связанные с этим традиции артельности и взаимовыручки.

Наличие огромных неосвоенных пространств во многих ситуациях способствовало сравнительно безболезненному разрешению противоречий, неизбежно возникавших в формировавшемся общественном организме — прежде всего вокруг права собственности на землю. В крайнем случае одна из сторон всегда могла, реагируя на назревший конфликт, уйти на новые земли.

Бытует представление, будто историческое прошлое русского народа, на протяжении многих столетий находившегося под гнетом иностранных захватчиков и собственных абсолютных властителей, пережившего длительную полосу крепостных отношений, не имевшего традиций самоуправления, выработало у него устойчивый менталитет, основные черты которого — терпеливость, покорность, непритязательность, неверие в свои силы и общественная пассивность.

Обращаясь к прошлому в поисках подтверждения этого представления, его сторонники обычно крайне вольно ведут себя с отечественной историей, выдергивая из нее отдельные эпизоды. Разумеется, в истории России было немало тяжелых и даже трагических страниц, которые, естественно, не проходили бесследно для общественного сознания. Они накладывали на него глубокий отпечаток, формируя массовые стереотипы восприятия и поведения. Но реальная история состояла не только из них.

При непредвзятом взгляде на нее нетрудно обнаружить множество событий и обстоятельств, выработывавших в общественном сознании противоположные качества. Огромные пространства, на которых

обитали восточнославянские и иные племена, сложившиеся со временем в русский народ, суровые условия существования не только способствовали, но нередко, напротив, препятствовали чрезмерной централизации, а значит, и доминированию высшей государственной власти. Именно с этим, по-видимому, связано широкое распространение уже на ранних этапах становления национальной идентичности начал общинного самоуправления и социальной активности. Все последующие попытки задавить и разрушить эти начала наталкивались на ожесточенное сопротивление.

Под воздействием этой стороны истории русского народа в его сознании (и, соответственно, в поведении) утвердились такие черты, как вольнолюбие, стремление к самостоятельности в решениях и действиях, пренебрежительно-насмешливая реакция на поступающие сверху указания, склонность к анархизму и т.д. И все это причудливо переплелось с теми качествами, на которые делают упор сторонники описанного выше представления.

Отсюда крайняя неоднозначность русского национального характера, соединяющего в себе самые разные, а зачастую и противоречивые черты. В их числе терпеливость и нетерпимость, покорность и бунтарство, пассивность и взлеты крайней активности, нередко выходящей за рациональные рамки. Амбивалентность ментальности наглядно проявляется в оценке верховной власти. Преклонение перед нею сочетается с нигилизмом, с восприятием даже вполне легитимной власти как силы, противостоящей и даже враждебной индивиду и обществу. Разумеется, в различных группах общества и в зависимости от ситуации эти черты проявляются в различных сочетаниях. При всем том их удельный вес остается высоким.

Отличительной особенностью российского общественного сознания издавна была антиномичная раздвоенность. Воздействие цивилизации, сложившейся в Западной Европе, на российское общество, возраставшее по мере модернизации России, размывало его специфику. Происходило это, однако, в основном на верхних ступенях социальной пирамиды. Верхи, в отличие от общества в целом, активно впитывали западноевропейские ценности, элементы образа жизни, типы общения, моды. В результате возник феномен расщепления общественного сознания.

Без учета всех этих обстоятельств нельзя в полной мере понять динамику политического капитала, циркулирующего в России. Но сводить ее к ним тоже неверно. Бурные события XX в. внесли в нее важные, качественные коррективы.

Годы советской власти, приобретшей со временем облик бюрократическо-номенклатурной диктатуры, значительно ослабили коллективистские начала в общественном сознании, стимулировав отчуждение существенной части населения от социалистических ценностей и самого понятия «социализм», отождествлявшегося с тем, с чем люди сталкивались на деле. На излете советских времен политический

капитал этой власти был предельно низок. Не случайно ее конец не вызвал в стране сколько-нибудь массовой протестной реакции.

Вместе с тем семь десятилетий советского строя в преимущественно крестьянской стране с доминированием традиционалистско-патерналистских и патриархально-общинных установок способствовали утверждению в обществе специфических представлений о предпочтительном общественном укладе, который связывался с решительным неприятием чрезмерного разрыва в жизненных стандартах различных групп населения и устойчивой ориентацией на прогрессирующее улучшение условий существования людей, в том числе за счет сохранения и развития социальной политики. Эти настроения сформировали важный элемент заемной составляющей потенциального политического капитала.

Период перестройки стимулировал высокую общественную активность граждан, помог им ощутить и осознать ценность демократических процедур и институтов, свободы мысли, информации, передвижения по миру. Впоследствии многие демократические принципы и процедуры были скомпрометированы. Тем не менее приверженность им хотя и уменьшилась, но не исчезла. Многочисленные опросы свидетельствуют, что, вне зависимости от отношения к власти, в пользу демократических форм правления в принципе высказывается более половины россиян.

В динамике политического капитала в современной России четко просматриваются три этапа. Первый начался еще в советское время.

По мере углублявшегося отставания СССР от наиболее развитых стран Запада, ассоциируемых с капитализмом, в сознании советских граждан рос интерес к сложившейся в этих странах социальной и экономической практике. Параллельно укреплялось и позитивное отношение к действующей там общественной системе. В результате у многих советских людей сложился идеализированный образ Запада как некоего острова благоденствия, где царит справедливость, бесперебойно функционируют демократические механизмы, отсутствуют социальные барьеры и общедоступны высококачественные материальные блага. Утвердившееся ранее негативное отношение к капитализму сменилось нейтральным, а нередко — и позитивным. Отсюда та эйфория, с которой были восприняты тогда большинством населения СССР идеи коренных общественных перемен. Соответственно, политический капитал общественных сил, отстаивавших эти идеи, рос с небывалой силой. И доминировали в нем заемные формы.

Спустя несколько лет завышенные ожидания сменились глубоким разочарованием. Главной причиной такого поворота в массовом сознании были практические следствия реформ, проведенных в 1990-е годы в экономической и социальной сфере. Народное хозяйство пришло в упадок. Миллионы людей потеряли работу. Были обесценены денежные сбережения. Значительные группы населения впали в глубокую нищету. Большой ущерб был нанесен системе бесплатного здравоохранения

и образования. Распались ставшие привычными формы общественных контактов: сети клубов, в том числе обеспечивавших досуг молодежи, детских оздоровительных лагерей и т.д. Лавинообразное ухудшение условий существования породило моральную деградацию. Криминализация общества, обозначившаяся еще в последние советские годы, приобрела всеобщий характер. Преступность в самых крайних ее формах вышла за пределы, гарантирующие самосохранение системы.

Результатом перемен, произошедших в общественном сознании, стало резкое сокращение эмоциональной составляющей политического капитала, которым располагали властные структуры, определявшие судьбы страны в 1990-е годы. На исходе десятилетия, особенно после дефолта 1998 г., этот капитал в целом оказался близок к нулю. Наступил конец первого этапа.

К концу 1990-х годов глубокое недовольство сложившейся ситуацией начало определять настроения не только основной массы населения, серьезно пострадавшей от трансформационных процессов, но и влиятельной части выигравшей от них властвующей элиты. Взращенная на повсеместном разрушении всего того, что составляло основу власти в прошлом, она возжаждала стабильности, которую стала рассматривать как решающий залог упрочения приобретенных в предыдущие годы политических позиций и богатства. Это, естественно, потребовало серьезной кадровой рокировки.

Именно в этом следует искать ключ к пониманию феномена Путина, который на первых порах многим казался загадкой.

Чтобы быть убедительным для населения, переход от разрушения к стабилизации должен был быть осуществлен руками человека, по всем показателям непохожего на исчерпавших политический кредит Ельцина и деятелей его ближайшего окружения.

Соответствующая операция была проведена в целом успешно. Образ преемника был выстроен на основе полного противопоставления предшественнику. Вместо деградирующего старца — спортсмен в расцвете сил. Вместо сибаритствующего любителя возлияний — трудоголик. Вместо малосведущего импровизатора — знающий и компетентный администратор, за которого, во всяком случае, не было стыдно.

С учетом гетерогенности общества и ожидаемого политического капитала была разработана и программа действий. Ее суть состояла в том, чтобы не акцентировать вопросы, обостряющие непреодоленное противостояние власти и общества, а балансировать между кластерами политических интересов, сосредоточив усилия на решении нескольких проблем, одинаково важных для подавляющего большинства граждан.

Первоначально внимание было сконцентрировано на восстановлении статуса и достоинства России. Это должно было выглядеть как адекватный ответ на болезненное восприятие обществом национально-го унижения страны. Доказательством готовности и реальности намерения добиться поставленной цели стала новая военная операция в Чечне. Затем последовали меры, направленные на обуздание региональных

элит. Были также предприняты усилия по преодолению разложения, распространившегося на вооруженные силы и другие силовые структуры, осуществлены внешнеполитические действия по защите интересов России на международной арене.

Позитивные изменения произошли и в экономической сфере. Во многом они были обусловлены некоторыми объективными процессами, в первую очередь устойчивым ростом мировых цен на газ, нефть и нефтепродукты. Россия как один из крупнейших экспортеров энергоресурсов получила от этого существенный выигрыш. Определенную, хотя и сугубо временную роль сыграло резкое обесценение рубля после августовского дефолта 1998 г., приведшее к повышению спроса на продукцию отечественных производителей. Так или иначе, в результате отдельные отрасли, особенно выпускавшие товары массового потребления и находившиеся до этого в полном упадке, получили шанс на возрождение. Начали расти как внутренний валовой продукт, так и объем промышленного производства.

Все это было воспринято обществом как свидетельство перехода от курса на разрушение к курсу на стабилизацию и следствие такого перехода. Отсюда значительный параллельный рост как традиционного, так и заемного политического капитала тогдашней власти и казавшаяся труднообъяснимой бесспорная популярность Путина в годы первой и частично второй легислатуры.

При этом общественным сознанием не была вовремя замечена та несоразмерная плата, которую за все это пришлось заплатить стране и народу.

Для подкрепления проводимого курса усилиями верхов была создана жесткая бюрократическая вертикаль, которая вскоре отчетливо продемонстрировала имманентно присущие ей негативные качества — слабую эффективность и высокую склонность к незаконной наживе. Оппозиционные силы оказались оттеснены на политическую периферию посредством манипуляций, именуемых «административным ресурсом». Элементы авторитаризма, заложенные в систему еще в 1990-е годы, стали проявляться с нарастающей силой.

В экономической и социальной политике все нагляднее проявлялись исходные установки начатых ранее преобразований. Программа экономического восстановления страны, как и в 1990-е годы, была ориентирована прежде всего на интересы разбогатевшей части граждан. Остальным, согласно «теории просачивания», надлежало рассчитывать лишь на ту долю благ, которая должна была «накапать» им со стола наиболее процветающих и благополучных. Продолжались безнаказанное разворовывание направляемых в экономику средств, демонстративный уход наиболее имущей части населения от налогообложения и массовый отток капиталов за рубеж.

Это, естественно, не могло не сказаться на структуре общественных взглядов. В них во все большей степени стали задавать тон следующие установки:

- уверенность в том, что сложившаяся в стране политическая система отражает интересы лишь богатой части общества, игнорируя потребности и запросы менее зажиточного большинства, и любые исходящие от нее импульсы несут этому большинству главным образом потери;
- убеждение, что крупная собственность, появившаяся в стране в 90-е годы прошлого века (и попавшая прежде всего в руки так называемых олигархов), — результат махинаций, нанесших неисчислимый урон обществу и государству;
- опасение, что в сложившихся условиях в стране вряд ли будет создана (или хотя бы частично восстановлена) такая система социальных амортизаторов, которая гарантирует каждому члену общества в качестве компенсации за его позитивный трудовой вклад в общее дело приемлемые условия существования на всех этапах жизни;
- устойчивое представление, что шансы простого гражданина на вертикальную социальную мобильность, несмотря на все его усилия, при нынешних обстоятельствах минимальны и речь может идти лишь о выживании;
- вера в то, что в обществе, в фундаменте которого лежит совокупность правонарушений, право не может считаться регулятором взаимоотношений между гражданами и поэтому с ним можно не считаться.

Соответственно, уменьшался объем политического капитала власти. Он еще не стал негативным, но движение в этом направлении было вполне отчетливым.

Черту под вторым этапом подвели сначала мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг., а затем всплеск массовых протестов в Москве в 2011—2012 гг. Первый развеял иллюзорные надежды на скорое экономическое процветание, второй убедительно продемонстрировал невозможность в дальнейшем управлять выросшим и повзрослевшим российским обществом, используя прежние методы.

Ко всему этому добавился раскол, наметившийся в правящей верхушке. В его основе лежал не только конфликт амбиций, но и различия в представлениях о способах преодоления накопившихся препон и ловушек. Одни выступали за продолжение жесткого курса, другие — за большую гибкость.

Иными словами, ситуация потребовала очередного политического маневра. И он состоялся, но на этот раз без смены кадрового гарнитура.

Внешние контуры реализации этого маневра хорошо известны. Его результаты тоже: скромная политическая реформа, призванная выпустить из кипящего котла некоторую долю лишнего пара; создание резервной политической силы на случай провала властвующей ныне; заявленный (вопреки увещаниям экспертов-либералов) отказ от жесткого урезания ассигнований на социальные нужды, способного спровоцировать недовольство и даже бунты.

Могут ли эти меры повернуть вспять динамику политического капитала власти? Категорически отрицать такую возможность не стоит. Основную массу политического капитала, прежде всего традиционного, она удержала, и в загашнике у нее, скорее всего, еще немало «задумок». Но главное даже не в этом. Проводимой политике пока не предложена сколько-нибудь убедительная альтернатива. Да и силы (как и лидеры), претендующие на реализацию такой альтернативы, невольно вызывают в памяти персонажей детского театра кукол.

Остаются проблемы. Остается повсеместное, преимущественно глухое, недовольство, которое к счастью для страны пока не выходит за пределы отчуждения от власти.

Отстраненность большинства граждан от радикальных, несистемных «завлекалок» — феномен ситуативный. Мелодии, выводимые радикалами, на сегодняшний день не встречают массового отклика, тем более что сами певцы нередко фальшивят. Но такое положение не может быть вечным. Если власть не перестанет постоянно раздражать общество своими экстравагантными инициативами, если ее борьба с коррупцией и некомпетентностью полностью выродится в сценические постановки, а экономическая ситуация всерьез выйдет из-под контроля, может произойти всякое. А в этом случае, как свидетельствует и наш, и мировой опыт, отстраненность народа способна мгновенно преобразиться в решительный активизм. И возглавят его не нынешние несистемные оппозиционеры, а совсем другие, еще неведомые нам люди и стоящие за ними политические структуры.

Единственной надеждой при таком повороте событий может быть лишь основанная на историческом опыте неприемлемость для большинства российских граждан любого рода насильственных действий, чреватых распадом властных структур, анархией и вооруженным противостоянием социальных и национальных сил.

* * *

В ходе размышлений мне пришлось неоднократно обращаться к сюжетам, которые я не раз рассматривал и раньше. Это представлялось неизбежным, поскольку в противном случае рисуемая мною картина не была бы цельной. Разумеется, и сейчас она недостаточно полна. Постараюсь ее дополнить в дальнейшем, если, конечно, позволят силы.